

Больше всего этим воспользовались фанаты пары, которые теперь могли открыто высказываться. Раньше они боялись, что Цзин Тяньюэ увидит и расстроится, поэтому сидели тихо. Фанаты Сяо Жун, в свою очередь, опасались за её репутацию в группе и того, что их обвинят в использовании хайпа Цзин Тяньюэ, поэтому каждый раз приходилось делать вид, что они всё опровергают. Теперь же это было похоже на всеобщую амнистию: они выложили множество личных эссе и открыто создавали темы.

...

Но это всё же не было официальным раскрытием отношений. Цзин Тяньюэ сказала, что ухаживает, и реакция Сяо Жун была довольно тонкой.

Некоторые всё ещё верили, что это пиар для нового проекта.

Сяо Жун сейчас находилась в процессе трансформации. ореол идола постепенно стирался, и в глазах многих её актёрское мастерство значительно улучшилось. Старые фанаты группы, придерживавшиеся принципа «никаких романов», давно ушли после того, как Лян Ии завела роман внутри коллектива. Оставшиеся фанаты в ходе волн «прокачек» стали довольно спокойными.

Кроме того, фанаты обеих сторон относились друг к другу с симпатией, и их первой реакцией было атаковать тех, кто распространял сплетни.

Какая ещё «худшая лошадь»! Какой фиктивный брак!

Хотя в процессе это почему-то превратилось в обсуждение развития настоящей любви.

Брат Ян в конференц-зале отеля нервничал, наблюдая, как Сяо Жун спокойно сидит и ест фрукты. Он спросил её:

— Как ты хочешь ответить?

Сяо Жун по-прежнему выглядела послушной:

— Пусть компания решит.

Пузырёк с трудом сдерживала смех. Раньше она думала, что Сяо Жун — довольно простой и бесхитростный ребёнок, но за это время она разглядела в ней долю хитрости.

Не то чтобы хитрости, но она выглядела так, словно её можно легко помять, но на деле в ней была изрядная доля коварства.

Как компания может помочь ей ответить? Если бы это был пиар с Цзин Тяньюэ, то это назвали бы «попыткой примазаться к луне». Но это не так, ведь Цзин Тяньюэ сама сказала, что ухаживает.

В индустрии много пересечений. Даже между конкурентными компаниями сотрудничество между артистами идёт постоянно. Цзин Тяньюэ теперь не просто актриса, она уже лицо, принимающее решения. Неудивительно, что пользователи смеялись до слёз — это было слишком похоже на угрозу.

Отдавало чем-то вроде требования от вассального государства выдать заложника.

Сяо Жун спросила:

— Я могу решать сама?

Видеоконференция всё ещё шла. Руководители на другом конце скривились.

Сяо Жун теперь была золотой жилой «Синхай». Если бы она не была так молода, и называть её «первой сестрой» компании не казалось бы старящим, она бы уже давно носила этот титул по праву.

Ранее в управлении произошли кадровые перестановки. Тот, кто изначально подписал контракт с Сяо Жун, был уволен в процессе внутренней оптимизации. Теперь, когда сменились люди, контракт был обновлён, и Сяо Жун подписала его на семь лет. Если бы контракт обнаруживали, это была бы откровенная эксплуатация.

Но большинство считало, что Сяо Жун молода и не имеет хитростей, поэтому не беспокоились.

— Если тебе нужна наша помощь в этом деле, можешь говорить прямо.

Сяо Жун сказала:

— Поняла. Тогда я сама решу, как ответить.

Брат Ян: «...»

Сяо Жун сделала глоток воды:

— Отвечать сейчас?

Брат Ян закрыл лицо руками:

— Делай как хочешь. Чем раньше, тем лучше.

На самом деле его WeChat взорвался. Со всех сторон спрашивали её.

Коллеги по компании писали и «Ничего себе», и «Поздравляю». В группе Лян Ии была целая волна сообщений: «Не сдавайся слишком легко».

«Не сдавайся слишком легко». Сяо Жун несколько раз просмотрела это сообщение. И только после душа, уже лёжа в постели, она сама открыла тот пост.

Он всё ещё был на первом месте в трендах, в разделе связанных новостей.

Комментариев было столько, что Сяо Жун могла читать их очень долго. Такой хайп, заполонивший все обсуждения, могла вызвать только Цзин Тяньюэ.

Раньше так было, и сейчас тоже.

Были поздравления, были и оскорбления: «Лесбиянкам смерть», были и те, кто допрашивал её о прошлом с Цинь Мянem. На самом деле эти голоса звучали уже давно.

Сяо Жун узнала правду от Цзин Тяньюэ и поняла её боль, ломающую сердце и кости.

Сначала было немного ревности, но позже осталась только жалость.

Ведь много настоящего было скрыто под слоями напускной гордости. И только она одна смогла

приоткрыть эту дверь и получить право войти внутрь.

— Почему ты не даёшь интервью, чтобы всё прояснить?

Как-то раз спросила Сяо Жун у Цзин Тяньюэ.

Цзин Тяньюэ ответила:

— А зачем мне объясняться перед другими?

Это был встречный вопрос от Цзин Тяньюэ.

Она сказала это, выбирая платье. Гардеробная была огромной, и когда открывались шкафы, глаза разбегались.

Сяо Жун чистила зубы. Электрическая зубная щётка жужжала. Цзин Тяньюэ сказала, что она шумит, и вытолкала её из ванной — зачем чистить зубы не в ванной?

Этот вопрос возник внезапно, в ходе разговора. Наверное, потому что выражение лица Сяо Жун было слишком серьёзным.

Цзин Тяньюэ добавила:

— Не хочу больше тратить на него время.

— Если кто-то захочет взять интервью у нас обоих, то я обязательно соглашусь.

У Цзин Тяньюэ был прямой характер. Её обаяние и душевность были неразделимы, но превратить это в слова, в любовные признания, было сложно.

Поэтому она всегда говорила, что Сяо Жун где-то училась.

Она даже скупилась на слова «Я тебя люблю». «Ты мне нравишься» было для неё максимальным проявлением.

Сяо Жун открыла дверь в её сердце, но хотела продвинуться ещё дальше, завоевать всё пространство.

Эти слова заставили её очень обрадоваться. Время было таким драгоценным, а Цзин Тяньюэ, хоть и говорила окольными путями, в конце концов всё же призналась.

В этот момент она вдруг вспомнила тот день. Цзин Тяньюэ проводила пальцем по дорогим нарядам. Интерьер гардеробной был роскошным.

Гордость Цзин Тяньюэ была слишком утончённой. Она ругалась, не используя матерных слов, и обходила острые углы, что, конечно, было утомительно. Поэтому Сяо Жун любила пересматривать её роли в фильмах, где она играла простых, мелких людишек.

Было забавно наблюдать, как эта женщина, такая яркая и выходящая за рамки, на которую навешивали самые неподходящие, с точки зрения обывателей, ярлыки «богини», оставалась собой, своевольной и свободной.

Как в тот день, когда она сказала: «Я буду ухаживать за тобой снова».

Сяо Жун даже не знала, как описать свои чувства в тот миг.

Что-то вроде: «О, так она всё знала».

Этот ответ фанатам, это фактическое подтверждение, было ещё одной формой флирта.

Все не знали, что у нас уже было начало. Но теперь, в глазах всех, я начинаю с тобой заново.

Сяо Жун, лёжа на кровати, нажала «Репост»:

@Сяо Жун: Я знаю. //@Цзин Тяньюэ: Спасибо за приглашение. Добиваюсь. //@Юный боец, боящийся упасть: Сестра, зачем ты подарила Сяо Жун розы? Это же просто рейс, а не свадьба.

Лян Ии увидела это, когда вела прямой эфир, на котором Вэнь Фу готовила обед на следующий день. Она как раз пила воду и чуть не поперхнулась.

В чате прямого эфира пронеслась волна «Ха-ха-ха-ха». Лян Ии пробормотала:

— Сяо Жун, ну ты даёшь. Так дерзко. Почему бы просто не написать «Ознакомлено»?

Вэнь Фу чуть не попала под раздачу, наступила на ногу Лян Ии, и они чуть не подрались в прямом эфире. В конце концов они уселись и вместе стали смотреть Weibo.

Репост Лян Ии «Ну ты даёшь» был репостнут бесчисленное количество раз. Чжао Минъянь, в свою очередь, слила фото с парнем, чтобы доказать, что она не лесбиянка.

Хайп N-O-I не спадал.

А Цзин Тяньюэ, завершив переговоры с брендом по рабочим вопросам и попрощавшись, получила не очень вежливое приветствие от Хун Цзэ:

— Цзин Тяньюэ, ты что, с ума сошла? Что ты затеяла с Сяо Жун? Сяо Жун же из чужой компании. Могла бы быть посильнее и сразу переманить её к себе. Раз уж у тебя второе дыхание открылось, может, найдёшь время и добьёшь бывшего мужа? Он уже у самого порога бесчинствует.

К сообщению была прикреплена ссылка и комментарий:

— Сама посмотри ссылку, которую я скинул в WeChat. Компания Чу Янь выпустила новичков — женскую группу.

Цзин Тяньюэ уже слышала слухи, но не ожидала, что они воспользуются именно этим моментом. Она усмехнулась.

Вечерний ветер был холодным, но настроение у неё было неплохим. Возможно, её развеселил ответ Сяо Жун «Я знаю».

Она спросила Хун Цзэ в ответ:

— А ты знаешь, как ухаживать за человеком? Постепенно, не торопясь? Можешь дать совет?

Хун Цзэ ответил:

— Вы уж и так рис сварили, осталось только расписаться. К чему столько церемоний?

Цзин Тяньюэ сказала:

— Говорю серьёзно.

Через две минуты Хун Цзэ отправил ей в WeChat файл:

«Любовь — это искусство: 100 классических сценариев».

Цзин Тяньюэ ответила ему:

— В искусстве тебе меня учить не нужно.

Хун Цзэ сделал скриншот и отправил Сяо Жун:

— Контролируй её. Если она продолжит так беспокоить меня, порядочного человека, я уволюсь.

Сяо Жун ответила:

— Император знает.

Хун Цзэ:

— Сяо Жун, ты изменилась.

Сяо Жун в ближайшее время действительно не могла встретиться с Цзин Тяньюэ.

Но если у неё не было возможности, это не значит, что Цзин Тяньюэ не могла найти момент. С тех пор как она объявила на весь мир, что ухаживает, Цзин Тяньюэ стала действовать ещё более бесцеремонно.

Она иногда лайкала фанатские видео с Сяо Жун из шоу или её ранние выступления. А ещё несколько дней подряд публиковала скриншоты с форумов.

Она копалась в архивах, находила гифки с Сяо Жун времён её стажёрства. Её действия по раскапыванию старья были настолько навязчивыми, что администраторы форума забанили её аккаунт.

Этот случай был раскрыт и выложен в Weibo. Количество репостов с одним только «Ха-ха-ха-ха» достигло десятков тысяч.

Нынешнее молодое поколение в основном не застало эпоху, когда Цзин Тяньюэ правила балом.

— N-O-I: Первое впечатление. Лян Ии —

Вэнь Фу: Дурочка.

Чжао Минъянь: Выпендрёжница.

Сяо Жун: Очень злая.

—————